

Техника - религия - гуманистика

Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса

М. ЭПШТЕЙН

Два нижеследующих текста объединяются темой и перспективой. Тема: воздействие современной техники на такие "консервативные" области духовной деятельности, как религия и гуманитарные науки. Перспектива: обоснование новых, более широких горизонтов религии и гуманистики вопреки нынешнему их вытеснению на периферию цивилизации. Научно-технический прогресс для них - не помеха, а, наоборот, призыв к внутреннему обновлению и радикальной переоценке их будущей роли в жизни общества.

1. Научно-технический аргумент бытия Бога. Религиозное знание

Человеку не нужны рациональные доводы, чтобы поверить в Бога, если он пришел к вере душевным опытом, восприятием опыта других и усвоением священных писаний и традиций. Но человек - существо целостное, и ему необходимо соединить свою веру со всей полнотой доступного ему знания. Пушкин писал: "Ум ищет Божества, а сердце не находит". Чаще бывает наоборот: сердце нашло Бога, а ум все еще ищет или, найдя, теряет. Нетрудно и потерять, слыша со всех сторон, что наука доказывает теоретически, а техника подтверждает практически, что Бог - всего-навсего иллюзия (воспроизвожу заглавие недавней книги биолога Ричарда Докинза - манифеста "научного атеизма" [1]). Мне представляется, что научный прогресс, наоборот, все более явственно раскрывает нам, на примере наших собственных растущих технических возможностей, что Вселенная имеет **Творца**. И поверить в него нам на основе современных научных данных несравненно легче, **чем** нашим менее осведомленным предкам.

Я предпочитаю слово "аргумент", а не "доказательство", потому что строго доказать бытие Бога нельзя (как нельзя доказать и неизмеримо более простых математических истин, согласно теоремам Гёделя о неполноте). Но можно показать, почему бытие Бога не **только** не противоречит научно наблюдаемым фактам и процессам, но и может быть логически выведено из них с очень высокой степенью вероятности.

Технология обычно рассматривается как область, питающая самые радикальные атеистические взгляды. В самом деле, если человек способен своим разумом и энергией перестраивать вселенную по своему плану, где же находится в это время Творец, почему он бездействует, в чем проявляется его воля? Активность человека, все более возрастающая в ходе истории, оставляет как будто все меньше места для активности Творца. Строится снова Вавилонская башня, человек штурмует небо, и, кажется, нет силы, кроме еще не предусмотренных и не управляемых естественных процессов, чтобы эту башню научно-технического прогресса опрокинуть.

Но я не понимаю, почему успехи техники должны опровергать бытие Бога, а не, напротив, доказывать возможность такого его всемогущества, которое раньше представлялось совершенно невысказанным людям, владевшим лишь примитивными орудиями труда. Как объяснить, например, пахарю или лесорубу, что Бог может читать все помыслы людей? Или что человек, умирая и оставляя после себя прах, может, тем не менее, переживать свое тело и сохранять целостность своей личности, бессмертие души. Техника древности была материальной: топор, плуг, молот, серп. По-настоящему интеллектуальная техника, интеллектуальные машины стали возникать совсем недавно, примерно полвека назад (ведь нельзя назвать интеллектуальной техникой даже паровую машину, или электрический мотор, или авиационный двигатель). Собственно, настоящее открытие интеллектуальной техники, т.е. компьютеров, электронной сети, виртуальных миров совершилось на глазах моего поколения. И лично мне стало легче верить в Бога, в сверхъестественный разум, после того как я познакомился с возможностями искусственного разума, пусть пока еще и самыми примитивными. Если я могу творить нечто столь похожее на меня, это увеличивает вероятность того, что я сам сотворен.

Я понимаю, например, как сведения о множестве людей могут накапливаться в маленьком электронном устройстве и как мои мысли и привычки могут быть вычислены и предугаданы мощными серверами, хранящими информацию обо мне. Я печатаю какое-то слово, а компьютер знает наперед и даже лучше меня, какое слово я хотел напечатать, исходя из частоты ранее употребленных мною слов. Или когда я выхожу в поисковик, он предлагает мне для покупки какие-то вещи, весьма ассоциативно и даже поэтически связанные с запросами, которые я делал ему месяцы назад. Он помнит то, что я забыл, он знает, чего я хочу, он подсказывает, что я могу или должен делать, он становится собеседником моего разума, пусть пока еще в вопросах весьма примитивных. Например, я искал книгу какого-то автора несколько месяцев назад, а сегодня мне Амазон предлагает книгу другого автора по смежной проблеме. Если я ищу духи "Красный цветок", то через неделю мне могут предложить роман Новалиса, в котором речь идет о таинственном голубом цветке. Может быть, это еще слишком простовато, но не так уж глупо и бессмысленно. Вся эта мировая сеть, или ноосфера, или инфосфера, или всемирный электронный банк все более полно охватывают мои интеллектуальные запросы и привычки, выдают их мне обратно с какими-то комментариями, предложениями, ассоциациями, становятся дей-

ствующей частью моего мозга, восполняют недостатки моего знания, памяти, а отчасти и воображения. А со временем, причем довольно скоро, компьютер узнает и мои чувственные особенности и привычки, манеру касаться, мои любимые запахи, вкусовые предпочтения, я буду общаться с ним кожей, голосом, жестами, и все это тоже войдет в бесконечно растущую, изобретательную, по-своему творческую память всемирного интеллекта, синтеллекта, совокупного интеллекта людей и машин.

И теперь, по опыту общения с новейшей техникой, мне гораздо легче представить, как Творческий Разум может общаться со мной, и читать каждую мою мысль, и отзываться на нее, и передавать мне свои мысли. Крестьянину с сохой, который видел только прямое воздействие одного материального предмета на другой, неизмеримо труднее было бы представить, что все волосы на его голове сочтены и что все тайное, творящееся в его душе, может быть явным. Как у такого огромного количества людей можно сосчитать все волосы? и проникнуть во все помыслы? Откуда может взяться такой всевидящий и всезнающий дух? как он может быть везде и в каждом? Конечно, крестьянин мог просто взять это на веру без всяких объяснений и доказательств, но для меня и для моих современников такое представление о всеобъемлющем и всемогущем разуме уже не есть только дело веры, это предмет вполне разумного, вероятного, хорошо обоснованного предположения (буду избегать слова "доказательство") [2]. Теперь мы знаем, сколь компактны средства хранения информации, как в одном зернышке вещества может помещаться не только план будущего дерева, но и, если это электронное вещество, компьютерный чип, система квантов и т.п., - тысячи и миллионы книг, планы городов, информация о всех людях, государствах, планетах и т.д. Информация о Вселенной и о каждой ее частице потенциально может храниться в электронном горчичном зерне (т.е. наименьшем из всех зерен).

Что же удивительного, что Всевышнее существо, Верховный разум может хранить в себе планы не только нашей, но бесчисленных мириад других вселенных и проникать в тайное тайных каждой личности, всех разумных существ, в их прошлое и будущее. Раньше, с молотком и мотыгой, в это оставалось только верить, как в сказку, чудо, миф. Техника приближает к нам это сверхъестественное, делает его естественным для разума, объяснимым вполне рационально. То, во что древние верили, мы теперь можем уже почти знать по слову апостола Павла о том, как догадка перейдет в знание. "Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан" (1 Кор., 12). Изумительно точные слова. Я познан Богом, который знает меня насквозь, как свое создание: но я его знаю лишь отчасти, а "тогда", в конце времен, "познаю, подобно как я познан". Древнему человеку приходилось лишь догадываться о том, что он познан, потому что он не мог предположить такой силы и всемогущества знания иначе как путем нерассуждающей веры в Бога. Современный же человек познает то, как его могут познать; он уже не догадкой, но собственным знанием приближается к представлению о всезнании Бога. Наука и техника делают его настолько

знающим, что ему легче измерить своим знанием, пусть несовершенным, всезнание Бога.

Во всяком случае, между ними уже не пропасть, преодолеваемая лишь прыжком веры, а высочайшая гора, по которой возможно постепенное восхождение разума, пусть никогда и не доходящее до вершины. Мы дорастаем до подмастерьев, которым впервые дано догадаться о методах работы Мастера - не проникнуть в его секреты, но по крайней мере понять, где их искать. В этом смысле история науки и техники, вообще цивилизации - это обучение элементарным навыкам работы в той мастерской, куда мы призваны подмастерьями, постепенное овладение ремеслом миротворения.

Точно так же примитивный человек не мог понять, как умирающий и телесно исчезающий человек может продолжать жить в такой невидимой, неосязаемой субстанции, которая называется душа. В это можно было только верить, следуя догадкам и обетованиям о том, что душа попадает в иные миры, странствует, обретает свое место в раю или аду и т.д. Нам же, современникам и пользователям компьютерных дисков и электронных сетей, гораздо легче разумно понять разницу между информацией и ее материальным носителем. В мгновение ока эта информация переписывается с диска на диск, из старой памяти в новую, или передается по проводам, или волнами без проводов, а прежние диски разрушаются. Вот уже больше столетия мы знаем о невидимых лучах, способных передаваться на безграничные расстояния, о световых скоростях, а с недавнего времени - о темной материи и темной энергии, составляющих наибольшую часть Вселенной. А таинственные черные дыры, возможно, ведущие в параллельные миры! А вакуум, в котором зарождаются виртуальные частицы! А большой взрыв, приведший к возникновению нашей вселенной! А удивительная пригнанность всех физических параметров этой вселенной, вплоть до миллиардных долей, к возможности бытия в ней нас, разумных существ (антропный принцип)! Все это широко известно, но почему бы науке на примере этих физически достоверных фактов не найти общий язык с теологией?

Наука последнего столетия приучила нас познавать возможность и даже необходимость таких чудес, за которыми трудно было угнаться даже вере древнего человека. Почему же нужно рассматривать достижения этой науки как аргумент против религии, если, наоборот, она доказывает лишь то, что материальная вселенная, какой ограничивался познавательный опыт древнего человека, есть лишь малая часть настоящей, невидимой и неосязаемой вселенной. Разве это не делает веру в бессмертие души, - или, выражаясь современным языком, в нерушимость информационной_матрицы личности при разрушении одного из ее материальных носителей, т.е. тела, - совершенно закономерным выводом разума из данных современной физики? А разве современная генетика, открывшая в основе органического бытия законы наследственности, управляемые языком генов, не подтверждает по-своему тот факт, что "в начале было Слово", что слово предшествует телесному бытию и определяет его признаки, физические свойства человека?

В древности, когда физический мир был столь огромен, всемогущ, всемогущ,

непрозрачным, гораздо труднее было поверить во всемогущество слова, каких-то таинственных значков, которые определяют и цвет глаз человека, и цвет волос, и наследственные болезни, и темперамент. Несмотря на абсолютную неправдоподобность религиозной картины мира, люди верили в нее, а теперь, когда она становится все более правдоподобной, почему же должны меньше верить? Разве лишь потому, что мы можем больше знать, но знать то самое, что содержалось и в вере. Это знание совершенно не противоречит вере, а вбирает ее, проясняет ее, протирает, как тусклое стекло, и делает гораздо более прозрачным то видение всезнающего Бога, всемогущего Слова, бессмертной души, которые раньше могли быть лишь предметами веры и суеверий.

Религиозное движение человечества идет не от веры к безверию, а от веры к знанию. Нам пора уже говорить о *религиозности знания*, а не только о религиозности веры. Религия знания - это не религия, которая поклоняется знанию, а религия, которая все более достоверно узнает от науки о том, что религия прошлого могла только приниматься на веру. Я бы сказал, что сейчас пришло время для *когнитивной религии*, где когнитивизм будет играть такую же роль, как раньше фидеизм. И наука с техникой не будут врагами этой религии и даже не будут равнодушны к ней, как якобы "другая культура", которая не имеет с религией ничего общего. Наука и техника образуют синтез с религией, поскольку разум все более согласуется с верой; и если он упраздняет веру, то лишь в той мере, в какой вбирает ее содержание, становясь религиозным разумом. Научный тезис о большом взрыве который привел к сотворению вселенной из ничего, - это предмет не только физического, но и религиозного знания. Антропный принцип, подтверждающий, что вселенная была создана для обитания в ней человека, - это религиозное знание. Отделение информации известных материальных носителей и допущение бесконечного многообразия этих носителей, передающих информацию о человеке внефизическим и внебиологическим путем,- это тезис религиозного знания. И так можно долго перечислять все те пути, которыми религиозная вера вступает в область современной науки и сама из веры становится знанием пусть приблизительным, неокончательным.

По мере технического прогресса человечеству все труднее будет обходиться без представлений о Боге. Без Верховного Мастера всех компьютерных игр и симуляций, именуемых "галактиками", "планетами", "законами природы" на языке обитателей этих симуляций, персонажей этих игр, где каждому подарена от Автора свобода воли и непредсказуемость случая. По мере того как все более совершенными, жизнеподобными будут становиться создаваемые нами виртуальные миры и наши собственные аватары (перевоплощения) в них, мы будем опознавать черты виртуальной реальности вокруг нас и в нас самих. И тогда все нагляднее станет во вселенной присутствие ее создателя и управителя. Чем больше человек будет становиться "богом" виртуальных миров, тем религиознее будет он сам, признавая Бога над собой - в таких вероисповедных формах, которые нам сейчас трудно представить. Будет ли это религиозное знание гармонично

сочетаться с верой, унаследованной от исторических религий, будет ли этот техно-теизм молитвенно посещать храмы предков или превратит их в музеи, - другой вопрос, который нужно отдельно обсуждать. Но очевидно, что наука и техника сами по себе обладают огромным религиозным потенциалом. Наука раскрывает законы бытия; техника демонстрирует мощь разума, способного на основании этих законов творить новое бытие. Трудно не соединить этих двух веских свидетельств, науки и техники, в одно умозаключение о сотворенности законов бытия еще более могучим разумом.

Если я могу творить нечто, столь похожее на меня, искусственный разум, искусственную жизнь, это увеличивает вероятность того, что и я сотворен, что естественная жизнь и разум - тоже плоды творения. Это не строгие доказательства, а растущая мера вероятности того, что естественный мир, каким мы его знаем, и мы сами так же сотворены, как и те виртуальные миры, которые мы творим и населяем своими аватарами. Вероятностный аргумент был развит у Паскаля, в его знаменитом пари. Если Бога нет, то я, следуя религиозному пути, лишаясь малой части конечных земных благ; если же Бог есть, приобретаю бесконечные блага бессмертия и рая, поэтому выгоднее ставить на то, что Бог есть. В нашем случае не выгоднее, а разумнее ставить на то, что Бог есть, поскольку чем более мир оказывается творимым нами, тем более вероятно, что и сами мы сотворены. Если мы уже способны творить виртуальные миры, которые практически ничем не отличаются от реального, обладают теми же чувственными свойствами, то что мешает нам предположить сотворенность и физического мира? Пока существовали лишь художественно-условные подобию реального мира (картины, скульптуры), очевидна была разница между рукотворными созданиями человека и мирозданием, и вероятнее было предположить, что оно не сотворено, ибо трудно разуму представить такую мощь творения. Но если онтология наших виртуальных миров по своей сложности и чувственной достоверности начинает приближаться к онтологии реального мира, то творимость, а значит, и сотворенность этого последнего становится более вероятной.

Все труднее представить мир без Бога - таков главный вывод всей техноэволюции человечества. То, что мы сами сможем становиться творцами жизни и разума (к чему постепенно, пусть и без гарантий успеха, подводит нас современная техника), послужит самым сильным доказательством бытия Бога, хотя вера и не нуждается в таких доказательствах.

Вообще, чем превосходнее ум, тем больше он способен признать превосходство над собой другого ума. Смирение - это не только моральная, но и интеллектуальная добродетель. По мере того как возрастает человеческое могущество, способность творить искусственный разум и менять пути эволюции, мы начинаем осознавать иную степень могущества, сотворившего нас самих.

В заключение я хочу присоединиться к мысли Карла Сагана, выдающегося ученого, астронома и популяризатора науки, высказанной в его книге "Бледная голубая точка". Он полагает, что религия многое теряет, не усваивая достижений современной науки:

«Как получилось, что ни в одной из популярных религий ее последователи, попристальней присмотревшись к науке, не заметили: "Так все, оказывается, гораздо лучше, чем мы думали! Вселенная намного больше, чем утверждали наши пророки, - величественнее, элегантнее, сложнее?" Вместо этого они бубнят: "Нет, нет и нет! Пусть мой бог и невелик – меня он и таким устраивает". Религия - неважно, старая или новая, - прославляющая открытие современной наукой величие Вселенной, вызывала бы восторг и почтение, снилось традиционным культам» [3].

Все здесь верно, я готов подписаться под каждым словом. Но почему же "нет, нет и нет!" раздается и с другой стороны? Почему сам Карл Саган считал себя неверующим? Почему биолог-атеист Ричард Докинз, сочувственно цитирующий Сагана, повторяет свое "нет, нет и нет!" (не трижды, а десятки раз) любой, самой утонченной, величественной, недогматической религии (в своей книге "Бог как иллюзия", 2006)? Почему все эти атеисты от науки твердят: "Пусть мой мир только материален - меня он и таким устраивает"? Почему они не хотят признать, что наряду с наблюдаемой материей существует еще и мир субъекта, который никогда не может адекватно наблюдаться извне, а только переживаться изнутри: любовь, жалость, совесть, раскаяние, отчаяние, надежда? Почему эти ученые так сужают свой мир? - гораздо уже даже самого примитивного верующего, который все-таки признает, что есть и другие миры, есть чудеса, есть безграничная любовь и милость Бога. Почему они сужают свой горизонт до дарвиновской эволюции и эгоистичного гена как причин носителей всех тех стремлений, возможностей, подвигов, открытий, которые делают человека столь удивительным, фантастическим, творческим, жертвенным существом? Почему они обращают этот вопрос "почему" только к верующим, но не к себе? Что мешает им, ученым и пропагандистам науки, внимательней приглядеться к религии и заметить, что и наука многое теряет, отказываясь от взаимодействия с ней. Я перефразирую вышеприведенный фрагмент Карла Сагана:

«Так все, оказывается, гораздо лучше, чем мы думали! Вселенная намного больше, духовнее, чем утверждали наши учителя-позитивисты, признававшие только материю. данную нам в ощущениях. Эта вселенная, созданная Верховным Творцом, который может обращаться лично ко мне и вместе с тем создавать мириады миров, который все знает обо мне и любит меня, который может все, но не хочет стеснять моей свободы, который поселил меня в этом мире, но открыл мне пути и в другие миры, - эта вселенная гораздо величественнее, элегантнее, сложнее, чем воображается химику или биологу-атеисту, который допускает существование только скудной, мельчайшей части чудесно разнообразного мироздания".

Зададим эти вопросы ученым оппонентам религии. И будем терпеливо ждать ответа. В надежде, что новое взаимопонимание религии и науки будет строиться одновременно с обеих сторон.

2. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках

Двести лет назад, на пороге романтической эпохи, Фридрих Шлегель, один из ее зачинателей, писал: "Проект - это субъективный зародыш становящегося объекта. Совершенный проект должен быть одновременно и всецело субъективным и всецело объективным - единым неделимым и живым индивидом" [4].

Сейчас эти слова звучат так же свежо, как и на рубеже XVIII-XIX вв., потому что проективная эпоха в истории человечества продолжается; больше того, проективное начало все больше выдвигается на первый план, стирая грань между субъективным и объективным. В последние годы слово "проект" становится вездесущим, вытесняя собой все другие жанры и типы умственной деятельности. Проектом становится даже то, что всегда считалось неизменной или медленно изменяемой, "природной" данностью, идет ли речь о культуре, о стране, о языке. "Проект Россия". "США как проект". "Английский язык как проект". "Арктика как проект". "Планета Земля как проект". "Вселенная как проект".

Теоретическое знание тоже становится все более проективным, переходит в системное изменение своего предмета. Вообще теория предмета может возникать лишь во временном промежутке между данным и следующим его состоянием. Теория (от греч. *theoria*) - буквально "созерцание", "рассмотрение". Для созерцания нужно время спокойного бытия предмета, его устойчивого пребывания перед глазами созерцателя. В XXI в. все меньше остается временного зазора между предметом и воздействием на него, между реальностью и ее трансформацией. История так ускорила свое течение, что теперь предмет теории, как естественно-научной, так и гуманитарной, все чаще находится впереди нее самой, в ее будущем, а не прошлом. Теория предсказывает или творит возможность своего предмета, а не задним числом его осмысляет, потому что само бытие предмета в информационной вселенной мыслетворно, производно от системы понятий, от работы концептов. Да и сама информационная вселенная все более переходит в трансформационную, проективную.

В науке путь к такой проективной методологии проложен не только квантовой физикой 1920-1930-х гг., открывшей взаимозависимость объектов и субъектов наблюдения на уровне микромира, но гораздо раньше - открытием Периодической таблицы химических элементов Д.И. Менделеева. Периодическая таблица построена на таких обобщениях атомных весов и химических свойств элементов, которые отчасти относятся к уже известным элементам, отчасти к тем, которые еще только предстоит открыть, т.е. теория включает в себя области предсказуемых возможностей, которые символизируются пустыми клетками таблицы. Более того, некоторые из элементов, предсказанных Таблицей Менделеева, вообще не присутствуют в природе в обычных физических условиях, но синтезируются искусственно, как, например, атомы новых элементов 113 и 115, которые в 2003 г. были получены на ускорителе и существовали на протяжении долей секунды. Они

представляют собой необычную форму материи, которая по своим свойствам отличается от 92 элементов, встречающихся на Земле. Ученые полагают, что их "рождение", точнее, синтез поможет создать единую теорию физических сил и взаимодействий. Так теория из "объективной" становится "проективной", т.е. предполагает свое достраивание будущей практикой.

В естественных науках, в частности, в физике и биологии, поиск закономерностей все чаще ведется через сопоставление реальных процессов и их воображаемых или экспериментально созданных альтернатив. До недавнего времени в распоряжении ученых была только одна реальность: одна Вселенная, одна, земная форма жизни, одна, человеческая форма разума. Их исследование не позволяло прийти к обобщениям о природе вещества или природе жизни именно потому, что они были доступны для наблюдения только в единственном числе, тогда как обобщение требует сравнения разных форм одного явления. В последние двадцать лет компьютерные симуляции естественных процессов сильно облегчили сопоставление альтернативных вселенных или форм жизни с земной реальностью, а тем самым расширили диапазон возможных обобщений. По словам биолога Кристофера Лэнгтона, отца-основателя теории искусственной жизни, "какую-либо закономерность можно обнаружить, лишь исследуя не просто существующий, но гораздо более широкий ряд возможных химических соединений. Закономерность имеется, но ее нельзя найти в том очень малом наборе явлений, которым природа первоначально снабдила нас. Искусственная жизнь, и вообще тот более широкий порядок, который я называю *синтетической биологией*, есть именно выход исследования за границы того, что происходит в природе" [5].

Дело не только в электронных технологиях - они лишь освещают путь новым методологиям, которые можно назвать синтетическими: возможна не только "синтетическая биология", которую создает Лэнгтон, но и синтетическая физика, химия... социология, лингвистика, поэтика, эстетика... Каждая дисциплина ищет не только предельных единиц, строительных частиц, атомов в своей области, но и таких методов их синтеза, которые расширяли бы набор самих изучаемых явлений. Мысль Лэнгтона идет дальше: "Наука, очевидно, достигла огромного прогресса, разламывая вещи и изучая их по кусочкам. Но эта методология обеспечила только ограниченное понимание явлений более высокого уровня, которые во многом образовались благодаря историческим случайностям. Однако можно преодолеть эти границы на путях синтетической методологии, которая по-новому соединяет новые компоненты бытия, чтобы исследовать то, что могло бы случиться" [6].

Новые электронные технологии вносят радикальные перемены в структуру знания, поскольку позволяют мгновенно преобразовывать накопленные веками информационные ресурсы. Базы данных обновляются мгновенно с каждым новым открытием и изобретением тогда как раньше, в Гуттенберговой галактике, этот процесс занимал долгие годы, переходя из одной бумажной публикации в другую. Соотношение между мертвым знанием и живым мышлением стремительно меняется в пользу живого, как и соотношение между "прошлым трудом" (овеществленным в машинах,

приборах, всем материальном богатстве и технических орудиях цивилизации) и живым интеллектуальным трудом, который использует все эти резервы знания для производства новых идей и вещей. Сошлюсь на слова Джеймса Дудершафта, руководителя проекта "Миллениум" и почетного президента Мичиганского университета: "Произойдет сдвиг в производстве знания: от знания того, что было. к знанию того, чего еще никогда не было" [7]. Эти две формы знания (того, что есть, и того, чего еще нет) взаимосвязаны. Нужно многое знать о существующем, чтобы создать нечто небывалое. И вместе с тем нужно создать нечто небывалое, чтобы вполне понять существующее.

Ученые Мэрилендского и Мичиганского университетов в 2008 г. провели эксперимент по квантовой транспортиции, который сулит потрясающие перспективы компьютерной индустрии. Подтвердился феномен квантовой суперпозиции, которым описывается способность частицы находиться одновременно в двух состояниях, что позволяет квантовому биту (кубиту) хранить два числовых знака одновременно. Таким образом, производительность квантового компьютера, имеющего 300 кубитов, будет равна двум в трехсотой степени, а это число превышает количество частиц во Вселенной.

Что же мы будем делать со всеми этими компьютерами, каждый из которых потенциально способен рассчитать все частицы во Вселенной? Будем еще и еще раз упираться в предел уже познанного? Или такая растущая мощь объективного познания есть лишь первая ступень к безграничной мощи проективного мышления, способного создавать новые вселенные, т.е. выходить за пределы существующей вселенной и знаний о ней. Тол, что сейчас считается знанием, перейдет в возможность иного бытия, т.е. будет не воспроизводить, а проектировать и продуцировать свой предмет. Науки и сейчас все больше превращаются в технологии, становятся непосредственной производительной силой. Знание все больше становится знанием о том, чего еще нет, что возникает в самом процессе познавания. Мы узнаем о свойствах наночастиц в процессе их инженерно-конструкторской проработки, создавая из них новые материалы. Мы узнаем свойства генов в ходе построения работающей модели генома и разработки генетической медицины и инженерии. Само познание определенного предмета становится актом его сотворения. Это уже не просто познание неизменной, статичной реальности, а мыслительное конструирование, которое *познает* и *создает* свой объект в одном проективном акте мышления.

Как скажется этот переворот в гуманитарных науках? Теория, которая позиционирует свой предмет впереди, а не позади себя, есть теоретическая практика, а в сфере гуманитарного знания, *трансгуманистика*, *трансформативная гуманистика*, воздействующая на предметы своих исследований. Страшно подумать, что станется с гуманитариями, когда их попросят из *-ведов* переквалифицироваться в *-водов*: языководов, литературоводов, искусствоводов, мыслеводов. Сделайте хоть что-нибудь для той области, в которой вы знатоки! Лингвисты, расширьте словарь и

грамматику того языка, который вы изучаете, дополните его новыми концептами и лексемами, попробуйте обосновать новые грамматические конструкции, которые сделали бы мышление более гибким и многомерным. Литературоведы, создайте новое литературное направление, провозгласите какой-нибудь невероятный -изм, чтобы молодые поэты загорелись новым эстетическим видением!

Да и вообще, можно ли создать "созерцательно-отрешенную" теорию литературы, когда чуть ли не каждый год раздвигается само понятие литературы, обогащается новыми жанрами, композициями, сращениями с другими видами искусства, медиа-практиками, сетературой и т.д.? Потому теория и возникает сразу в виде проекта, т.е. деятельного отношения к объекту; она не успевает оформиться и застыть в виде чистой теории, парящей над неизменностью своего предмета, как было... - А когда, собственно, это было? Разве что в "Поэтике" Аристотеля. В Новое время теория пришла уже в такое неистовое движение, что основные вехи литературной теории - это, в сущности, литературные манифесты, прокладывающие новые пути самой литературе. Буало, Поуп, Гете и Шиллер (как теоретики), братья Шлегели, Гюго, Сент-Бев, Белинский, Золя, Малларме, В. Иванов. А. Белый... - все это не просто теоретики, а проектологи литературы и ее новых движений: классицизма, реализма, романтизма, натурализма, импрессионизма, символизма... А дальше наступает черед авангардных, модернистских и постмодернистских движений, которые еще более заметно проектируются в теоретических мастерских. Маринетти придумал футуризм, Бретон - сюрреализм, и их проекты воплотились в практике соответствующих движений, в поэзии Арагона и Элюара, в полотнах Дали...

Удивительно, насколько нынешняя гуманистика запеленута в парадигмы даже не прошлого, а *поза-поза-поза-поза* прошлых веков, когда все менялось медленно и еще оставалось время на чистое изучение и обобщение предмета. Слово "поза" здесь тоже всплывает не случайно, поскольку то, что было когда-то естественной данью медленному течению исторического времени, теперь выглядит уже как поза, как демонстративная отвернутость от того, что происходит в трансформационной вселенной. Конечно, здоровый консерватизм и гуманитарным наукам не помешает, и я не призываю оторвать античников от античности, пушкинистов от пушкинистики и бросить их на новейшие направления языковедства и литературоведства. Но должны же в гуманитарных науках хоть как-то отражаться иные темпы технической, социальной и культурной динамики человечества - и соответственно меняться подходы к языку, словесности, мышлению!

Особое значение могут приобрести в наше время философские практики формирования новой техносреды и виртуальных миров. История показывает, что роль общих идей и концептов не падает, а возрастает по мере вступления человечества в информационный век. Так, первая задача, которую должны решать создатели компьютерных игр, - задача *метафизическая*: каковы исходные параметры виртуального мира, в котором разворачивается действие игры, сколько в нем измерений, как соотносятся субъект и объект, причина и

следствие, как течет время и разворачивается пространство, сколько действий, шагов, ударов отпущено игрокам по условиям их судьбы и что считается условием смерти? Любая компьютерная игра, любой виртуальный мирок содержат в себе свойства "мировости", "универсности", которая и образует специфический предмет и заботу философии. Причем масштабы таких "мирков" быстро разрастаются. Например, знаменитая "Second Life" ("Вторая жизнь") - это трехмерный виртуальный мир, созданный в 2003 г., но уже пять лет спустя населенный пятнадцатью миллионами участников из 100 стран мира, точнее, их аватарами. На этой территории действуют свои законы, строятся дома, открываются бизнесы, обращаются свои денежные единицы (линдены, которые можно обменять на реальные доллары). Годовой оборот "Второй жизни" в 2008 г. достиг 100 миллионов реальных долларов (больше всего тратится на закупку земель - не реальных земель, а всего лишь мест в виртуальном мире для строительства виртуальных домов, насаждения виртуальных угодий и т.д.). Речь идет не просто о новой трансконтинентальной и транснациональной территории, но об особом мироустройстве, которое целиком, в своих внутримировых основаниях, задается волей и деятельностью людей.

И конечно же, это альтернативное мироздание имеет свою онтологию и эпистемологию, свою логику, этику и эстетику, свои законы пространства и времени, случая и судьбы, - свою философскую матрицу, которая сознательно или бессознательно кладется в основу его технического построения и программного обеспечения. Недавно в некоторых американских университетах на кафедры и в лаборатории программирования стали приглашать профессиональных историков для разработки определенных тематических игр (например, игры по мотивам шекспировских пьес или наполеоновских войн требуют консультации у специалистов по соответствующим эпохам). Но столь же насущным, по мере разрастания этих виртуальных миров, становится и участие в их строительстве философа - специалиста по универсности и универсалиям, по самым общим, всебытийным вопросам мироустройства.

Раньше техника занималась частностями, отвечала на конкретные житейские нужды - в пище, жилье, передвижении, в борьбе с врагами и власти над соплеменниками. Философия же занималась общими вопросами мироздания, которое она не в силах была изменить: сущностями, универсалиями, природой пространства и времени. Техника была утилитарной, а философия - абстрактной. Теперь наступает пора их сближения: мощь техники распространяется на фундаментальные свойства мироздания, а философия получает возможность не умоглядно, но действительно определять и менять эти свойства. Техника конца XX и тем более XXI в. - это уже не орудийно-прикладная, а *фундаментальная* техника, которая благодаря продвижению науки в микромир и макромир, в строение мозга, в законы генетики и информатики проникает в самые основы бытия и в перспективе может менять его начальные параметры или задавать параметры иным видам бытия. Это *онтотехника*, которой под силу создавать новый

пространственно-временной континуум; новую сенсорную среду и способы ее восприятия; новые, генетически преобразуемые виды организмов; новые, технически раздвинутые формы искусственного разума. Тем самым техника уже не уходит от философии, а заново встречается с ней у самых корней бытия, у тех первоначал, которые всегда считались привилегией метафизики. Вырастает перспектива нового синтеза философии и техники - *технософия* и *софиотехника*, которая мыслит первоначала и практически учреждает их в альтернативных видах материи, жизни и разума.

К сожалению, современная (особенно англо-американская) философия, в которой преобладает аналитический уклон, не готова к решению и даже постановке таких технософских задач, поскольку занята только анализом текстов, расщеплением их на все более тонкие волоски. Между тем речь сейчас идет о создании *синтетической философии*, в том же смысле, в какой Кристофер Лэнгтон говорит о синтетической биологии, которая не ограничивается тем, что разламывает живое на кусочки, но по-новому соединяет базовые компоненты бытия. Философия сейчас тоже нуждается в синтетической методологии, которая позволила бы создавать онтологии виртуальных миров, метафизики иных видов бытия и сознания, закладывать основания альтернативных вселенных, т.е. принимать просто активное, но фундирующее участие в становлении новейшей техносреды. Поворот от анализа языка к синтезу новых языков и трансформативных техник бытия и сознания неминуем для философии, если она не хочет целиком превратиться в историю философии, в накопление и изучение философских архивов.

В принципе, преобразовательный, наступательный, "авангардный" подход к предметам знания ничуть не противоречит традициям гуманитарной мысли, которая долгие выдвигалась в авангарде человечества и задавала вектор и смысл его исторического развития. В XVIII-XIX вв. гуманитарные дисциплины: метафизика, логика, политическая и социальная философия, философия религии, этика, эстетика, история, психология, филология, искусствознание и литературоведение, культурная и художественная критика, языкознание, - все они были науками именно о человеке и человечестве, а не о текстах, какой гуманистика стала к концу XX в. Гуманистика вбирала всю полноту знаний о человеке и была "опережающим зеркалом" его самопознания и миропреображения. Гуманистика определяла смысл и смену больших культурно-исторических эпох. Эпоха Просвещения была создана философией и литературой - Вольтером, Руссо, Дидро. Эпоху романтизма провозгласили эстетики, литературоведы, языковеды, поэты, драматурги...

Можно ли представить, что очередная эпоха в судьбах человечества XXI в. будет дана появлением какого-нибудь эстетического трактата, филологического исследования философских афоризмов, поэтических медитаций? Не Микрософтом или Гуглем, не ООН или НАТО, не политиками или технологами, а каким-нибудь новым Новалисом, Байроном, Гюго, м-м де Сталь и бр. Шлегелями? Нет, такого нельзя себе представить. От гуманистики никто ничего не ждет, кроме прочтений и перечтений, анализа и интерпретации текстов. Гуманистика стала текстологией и перестала быть

человековедением. А потому перестала быть и человеководством. Ведая лишь текстами и архивами, она уже никуда ведет.

По отношению к этой гуманистике "текстов без человека" я бы определил свою позицию как *консервативный авангардизм*. Консервативный - поскольку именно в традициях гуманистики быть авангардом, вести за собой человечество. Меня тревожит, что гуманитарные науки перестают быть тем, чем были и призваны быть, - самосознани и самотворением человечества. Философия перестает быть мышлением об основах, целях и смыслах мироздания и становится анализом философских текстов прошлого. Эстетика перестает мыслить о прекрасном, трагическом, комическом, героическом и становится дисциплиной, изучающей тексты по эстетике. То же самое с этикой, которая в своем качестве "метаэтики" занимается не добром, злом и нравственным выбором, а анализом и деконструкцией этического языка, значениями слов "добро", "зло", "нравственность".

Это отступление гуманитарных наук с переднего края истории и общества, утрата реформаторского и трансформативного посыла оборачивается потерями не только для гуманитарных факультетов, которые превращаются в богадельни для наименее инициативного и креативного - "архивного" юношества. Это становится потерей и для человечества, которое утрачивает смысл своего бытия в истории, в культуре, технике, в процессах коммуникации - именно по мере гигантского разрастания самих технических средств этой коммуникации. Можно уже почти все - а для чего это нужно? Умножаются средства - исчезают цели. Микрософт или Гугл, как технические корпорации, сами по себе неспособны определить человеческие смыслы того, что они производят. Образуется вакуум человеческих смыслов и целей, который техника заполнить не может, а гуманистика не хочет. Та пустота и необеспеченность финансовых бумаг и институций, которая разразилась сейчас глобальным экономическим кризисом, давно уже имеет параллель в гуманитарное необеспеченности нашей высокоразвитой технической цивилизации. Каким глобальным кризисом, на сей раз в сфере не материальных, а гуманитарных ценностей, разразится этот разрыв?

Примечания

1. Докинз Ричард. Бог как иллюзия (2006). М.: Колибри, 2008.

2. Конечно, не для всех современников. Даже такой выдающийся ученый, как Ричард Докинз, не может принять бытие Бога на том основании, что это потребовало бы чересчур сложного, всеобъемлющего разума. "Бог, способный постоянно контролировать и исправлять состояние каждой отдельной частицы Вселенной, не может быть простым. Его существование само требует грандиозного объяснения. Что еще хуже (с точки зрения простоты) - другие уголки гигантского сознания бога одновременно заняты делами, чувствами и молитвами каждого отдельного человека, а также всех инопланетян, возможно, населяющих эту и другие сто миллиардов галактик" (С. 215). Докинзу трудно поверить в такую сверхъестественную способность - но почему бы ему не обратитъвнимание на компьютер, стоящий на его столе и способный за одну секунду найти, что думали о любом предмете тысячи людей, многие из которых жили за тысячи лет до нас. Достаточно ввести слово название идеи - и нажать на клавишу. И это при том, что Интернет появился всего лет

15-20 назад. Легко допустить, что у Бога за 15-20 миллиардов лет существования нашей Вселенной (тем более за вечность до ее возникновения) могли возникнуть более совершенные устройства, чем наш компьютер.

Да и не нужно Богу "исправлять состояние каждой отдельной частицы вселенной", для этого есть умные и точные законы взаимодействия частиц. Только очень плохой лаборант каждую секунду следит за всеми деталями лабораторного процесса и вручную их исправляет.

3. Р.Докинз. Цит. соч. С. 26-27.

4. Шлегель *Фридрих*. Фрагменты (22), в его кн. Эстетика. Философия, в 2 т. Критика. М.: 1983. Т. 1,290.

5. Цит. по *John Morgan*. The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Age. N.Y.: Broadway Books, 1997. P. 199-200. "

6. Ibid P. 199.

7. Future of the University in the Digital Age" (March 8, 2000), by James J. Duderstadt. Emory cb 20, 2000 Volume 52, No. 25. http://www.emory.edu/EMORY_REPORT/erarchive/2000/h.20/32000duderstadt.html